

УДК 1(091)(470+571)
ББК 87.3(2)8
DOI: 10.46726/H.2020.3.10

П. А. Белоусов

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ НАТУРАЛИЗМ И НООСФЕРНОЕ МИРОВИДЕНИЕ М. М. ПРИШВИНА

В центре внимания автора статьи творческое наследие М. М. Пришвина, рассмотренное в контексте ноосферных построений русского космизма. Показано, что в основе мировоззрения (научное в своих истоках) писателя лежит установка на «личностное восприятие природы», а антропология разворачивается в «учение о Всечеловеке». Раскрыта специфика натурализма М. М. Пришвина, органически соединяющего науку и искусство, через способность «мгновенного схватывания мира как целого». Выявлена зависимость чувства природы от детскости («младенца в душе») как необходимого фильтра восприятия мира, которая «методологические» задает идеал «живого знания» как синтеза рационализма и интуитивизма. Сделан вывод о двуединой природе человека, которая диалектически соединяет природоборчество и природосбережение.

Ключевые слова: личностность природы, Всечеловек, детскость, «живое знание», наука vs искусство, природочеловечесотворчество, переход биосферы в ноосферу, природоборчество, природосбережение.

P. A. Belousov

ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL NATURALISM AND THE NOOSPHERIC WORLD VIEW OF M. M. PRISHVIN

The author's attention is focused on the creative heritage of M. M. Prishvin, considered in the context of the noospheric constructions of Russian cosmism. It is shown that the basis of the worldview of the writer (scientific in its origins) is the orientation towards "personal perception of nature", as well as his anthropology unfolds in the "doctrine of the All-Human". The specificity of M. M. Prishvin's naturalism, organically combining science and art, through the ability to "instantly grasp the world as a whole" is revealed. The childishness ("baby in the soul") as a necessary filter for the perception of the world, which "methodological" sets the ideal of "living knowledge" as a synthesis of rationalism and intuitionism is shown. The conclusion about the dual nature of man, dialectically connects nature struggle and nature conservation, is made.

Key words: personality of nature, All-Human, childishness, "living knowledge", science vs. art, nature-human creation, the transition of biosphere into noosphere, nature struggle, nature conservation.

Творческое наследие замечательного русского писателя-мыслителя М. М. Пришвина в контексте жизненных реалий начала XXI века открывает думающему и чувствующему «по-пришвински» читателю новые смыслы, которые заключены писателем в сложных образах природы. Цель своего искусства

М. Пришвин видел в том, чтобы найти в природе «культурный слой, родственник человеку» и утвердить силой научного и художественного творчества истинные отношения содружества («обручения») человека с природой. Постигание единства личности и природы в художественном слове было для М. Пришвина способом узнавания самого себя, без которого невозможно творчество самой жизни, органично связанное с духовным возвышением, совпадающим с поиском счастья.

Художественный метод писателя психологически связан с его врожденной особой впечатлительностью, определяющей образное схватывание феноменологической целостности природы, подчиненной вечному закону циклического движения, и дающей ощущение индивидуальной сопричастности к синкретическому, единому «дреvu жизни». В слитности «со всем великим миром» жизни М. Пришвин видел возможность заново открыть его органичность, чтобы соединить человеческое творчество со стихийным природным началом как источником всей созидательной деятельности человеческого рода. Мысли писателя о человеке и природе затрагивали фундаментальные вопросы человеческого бытия, они опережали свое время и не всеми были поняты и почувствованы. В обостряющемся конфликте цивилизации и природы поэтическое мировидение («сердечная мысль») писателя-мыслителя обнаруживает «тайную современность» его творческого наследия [2; 5; 8; 9; 10; 18; 19].

Философским основанием мировоззрения М. Пришвина были идеи представителей русского космизма — Н. Федорова, В. Вернадского, А. Горского, Н. Сетницкого, а также взгляды русских философов-персоналистов, особенно Н. Лосского. «В их воззрениях Пришвин нашел философское осмысление факта восходящего характера природной эволюции и вступления ее с человеком в новую фазу, которой еще только предстоит стать по-настоящему сознательным управлением природно-космического процесса, включающего и преобразование природы самого человека. Тема борьбы за бессмертие, столь часто звучавшая в литературе 1920-х годов, была близка и Пришвину» [20, с. 379—380]. «Русский космизм близок Пришвину своим отказом от объектно-инструментального, покорительного отношения к природе, попыткой выдвинуть подход организмически-родственный, подчеркивающий целостность природы, где человек лишь ее часть, хотя и ведущая... Об этой же включенности «в общую связь» каждого природного существа постоянно размышляет писатель» [21, с. 169].

Книгу В. И. Вернадского «Биосфера», вышедшую в свет в 1926 году, М. Пришвин читал с увлечением «как в детстве авантюрный роман»: биогеохимическое мировоззрение выдающегося ученого-натуралиста (представления о живом веществе биосферы, о всеюдности жизни) научно укрепило в нем природное чувство единства и родственной связи «всего со всем», составляющее духовно-нравственную основу художественного таланта писателя. Внутренний мир писателя формировался под воздействием и других интеллектуальных учений и движений, среди которых им самим отмечается «этический персонализм» Н. О. Лосского [7, с. 143—156]. Основопологающий принцип ценности личности, идея мира как органического целого, «наивный реализм», интуитивизм, идеал «живого знания», имманентность процесса познания познаваемому миру, онтологическое понимание любви и другие представления русского религиозного философа художественно воплотились в многообразном творчестве М. Пришвина, основными мотивами которого

были долг и любовь к природе и людям, совестливое отношение к жизни, ощущение правды бытия в опыте собственной души, устремленность к мечте о гармоничном человеке, возможном на земле. «Как писатель-мыслитель, Пришвин развивает единое и цельное мировоззрение, единую философскую веру, которая обнаруживается в соединении постоянных тем его мысли: природа и человек, “живое целое” бытия, родственная сопряженность эволюционной цепи, восходящее развитие мира, творчество жизни и творчество “небывалого”, “родственное внимание”, установка на другого как на себя, трансформация зла в добро, “радование”, личность и бессмертие и др.» [21, с. 136].

Художественные искания писателя следует рассматривать в контексте мировоззренческой установки на активно-созидательное преобразование природного и социального мира на началах справедливости, гармонии и красоты. Главной темой в творчестве писателя, по его словам, являлась проблема границы природы: «где природа кончается и начинается человек». Он старался понять и объяснить тайну человека посредством того, что происходит в живой природе, избегая философской терминологии и опираясь на язык литературы. «Русский писатель создает биометафорическую антропологию: человеческая суть познается Пришвиным через природные образцы. Природа — это человек в его инобытии: в райско-первозданном состоянии, способном порождать продуктивные метафоры. Хочешь познать, что такое человек? Вникни с “родственным вниманием” в лес, в животных, в единство мира как “органического целого”» [4, с. 142]. Найти в природе человека, художественно выразить «человечность» природы и «природность» человека, определить отношения сотворчества человека с природой с помощью эстетического освоения мира, родственного человеку — так он видел задачу собственного творчества. М. Пришвин развивал в себе дар чувствовать природу, забывая о себе, «заставать жизнь без себя, елки-березки сами», а не переносить на природу человеческие свойства, что характерно для антропоморфного восприятия природы в архаической культуре.

Разделяя учение этического персонализма Н. Лосского, М. Пришвин признавал «личностность» всей природы. Все «носители лица» соучаствуют в «общем творчестве вселенной», у каждого из них есть «свое место», и они все равны в «действительном творчестве». Человек как «творческая единица» должен сам свободно согласовывать свое личное творчество с общим ритмом жизни природы и общества, — только так он будет стоять на «своем месте». Его помыслами должна быть общая «круглая правда» или душа «всего человека», любовь к которому рождается из внимания к каждому другому человеку. Нравственный идеал служения должному, «небывалому» сознательно выбирается человеком и включается в общую судьбу, прежде всего, своего народа («быть как все»). Идея солидарной общей жизни призвана силой науки и искусства пробудить в человеке энергию добра, чтобы душа «росла во все стороны», обнимала целое, объединяла все со всем. Человек с такой душой способен «все вобрать в себя», сообразовывать свой опыт с «умением» творящей природы обращать все на «пользу» и личным усилием создавать жизненную гармонию в своем малом пространстве как части большого целого мира. Своим творчеством человек, прислушиваясь к голосу природы, доопределяет, обживает природный мир, укрепляется в нем, делает его обитаемым домом. В созидании нового единства с миром совершается творческое преображение человеческой природы, происходит саморазвитие

личности, связанное с нравственной волей на превращение зла в добро внутри человека. М. Пришвин видел в миролюбии, в доброте, правдивости духовное основание единения людей и был убежден, что искусство способно изменять человеческий мир в лучшую сторону.

Личностное восприятие природы, взятое в ее целом, сущностно сближает стихийное бессознательное творчество с сознательным творчеством общественного человека. Наделение природных вещей лицом («в природе все лично, вплоть до самых законов природы») является ценностным основанием к установлению ненасильственных, «дружественных» отношений «созревшего человека» с матерью природой. «Взрослый» человек видит природу «детским» взглядом — наивно, удивленно, благодарно, радостно и, одновременно, мудро, целостно, серьезно. М. Пришвин верит в необходимость и возможность наступления времени «взрослости» человека и человечества, совпадающего с переходом цивилизации от утилитарного к сотворческому «брачному» отношению с природой, когда осуществится универсальное предназначение человека на земле и будет раскрываться высший смысл человеческой жизни.

М. Пришвин не был сторонником «бесцельного созерцания» и «бесконечного любования» природой: он видел в природном принципе бытия онтологическую двойственность, выраженную в противоречии между внешней красотой, связанной с уравновешенностью, ритмичностью жизненного процесса и непрерывной борьбой за выживание внутри него, обрекающей на смерть и страдания бесчисленное множество живых существ.

Природа напоминает человеку как о его конечности внутри вечного круга жизни, так и о возвращении всего того, что умирает в тот же круг жизни, но уже в новых поколениях. Человек не может выйти из-под власти земного закона: «Да, конечно, и мы той же самой жизнью живем, в глубине души все мы чувствуем единый ствол жизни, на котором сидим и знаем свой срок, свою ветку, знаем, что неминуемо с нею придется тоже расстаться, и только часто забываем, что вся природа хранит в себе как святой закон: на смену падающим придут молодые, и жизнь смертных в существе своем бессмертна. Мы, люди, не всегда это помним, как помнят листья, у нас для этого не хватает героического смирения, удобряющего почву творческой природы» [11, с. 56]. Человек так устроен, что знание о «неминуемой смерти» не побеждает стремления к бессмертию. Писатель связывает это стремление с увековечиванием себя в торжестве живой красоты природы: «Никогда не поздно посадить деревце: пусть плоды не себе достанутся, но радость жизни начинается с раскрытия первой почки посаженного растения» [12, с. 54]. Посаженное деревце «не для себя» становится символом человеческой солидарности в сотворчестве большого общего счастья людей на земле. «Не надо смотреть туда, в сторону умирания, — надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплощать его — значит творить» [12, с. 14].

В духе учения Н. Федорова М. Пришвин видит в человеке («царе природы») вселенское призвание стать избавителем себя и всего живого от роковой силы смерти как стихийного метода движения поврежденного тварного мира. Писатель мечтает и верит в восхождение будущего истинного благого «царя природы», ставшего «Всечеловеком» — соборным существом мирового единого человеческого рода, власть которого над природой должна стать не только практической, но и нравственной в осуществлении идеала бессмертия,

восстановления «родственности» людей во всех земных поколениях в их единстве с преображенной природой. М. М. Пришвин много размышлял в дневниках о теургическом смысле искусства, он связывал дело художества с устремленностью человека к бессмертию. Искусство в его высшей форме должно стать творчеством самой жизни, захватывающим «весь дух и всю плоть человека». Свое воззрение на разумную регуляцию природы, при которой преобразовательная активность людей направляется не потребительским, а нравственным принципом, духовно связывающим «царя природы» с каждым живым существом, со всей «матерью природой» писатель называл «гео-оптимизмом», а себя — «виталистом».

М. Пришвин высоко ценил созидательные возможности науки, открывающей законы природы, но предостерегал об опасности фетишизации, «омеханичивания» научного знания, ведущего к утилитарному бездушному отношению к природе. Писатель пришел в искусство из науки: известно, что в молодости во время учебы в Риге, а затем в Германии, он углубленно занимался химией и стал ученым агрономом. В России, работая агрономом, он написал и издал несколько книг по агротехнике. Позднее он стал членом географического общества и был награжден медалью за экспедиционные этнографические исследования. Им была задумана работа по «одухотворению» школьных учебников по природоведению и научно-популярных книг о природе с целью освещения природных явлений не только с точки зрения одной причинности, но и «в их красоте и единстве с целым миром» (см.: [2]). М. Пришвин с благодарностью вспоминал своих учителей, которые в студенческие годы приобщили его к методам науки и воспитали в нем чувство благоговения перед природой как предметом познания. Связав свою жизнь с искусством, писатель сохранял в художественном творчестве элементы научного метода для выражения поэтических истин посредством методического отбора нужного материала непосредственно из наблюдаемой природы. В восприятии мира жизни в нем происходило постоянное взаимопроникновение «двух умов» — исследовательского (аналитического) и чувственно-образного (поэтического) способов постижения реальности. Творческий внутренний синтез «двух умов» позволял выходить за границы обычных рассудочных представлений о законах естественной истории, переносить в них «чудеса» и видеть источник творчества нового и «еще у нас небывалого» в самих законах природы.

М. Пришвин видел в своем художественном методе преимущества, которых нет в аналитической науке, рассудочно создающей обезличенный образ природы и человека: с такой наукой он боролся в себе, когда стал писателем. Зная хорошо методологию естествознания, «Пришвин тщательно исследовал метод неметодического поэтического познания, по-разному называя его, то как первый глас, то как сохранения в себе ребенка, то как способность удивления, то как особое “творческое поведение”» [17, с. 44]. Строгость (лаконизм) научной мысли, полагал писатель, придает поэтическому методу дополнительную силу, связанную с более глубоким и точным осмыслением мира природы и человека и с выражением этих смыслов верно найденными правдивыми словами, в составе которых находят место научные понятия, но воплощенные в поэтической форме. «Луна астрономическая» и «луна поэтическая» являются разными реальностями: одна нужна для понимания устройства Вселенной, другая отвечает запросам человеческого сердца. Необходимо уважать тайну природы, которую человек не может раскрыть

до конца легко и быстро. Только терпеливым неустанным трудом многих поколений ученых удастся приоткрыть тайны «Великой природы».

Искусство также необходимо научному познанию, как и наука для искусства. Искусство прививает в душе ученого чувство благоговейного целомудренного отношения к собственному научному труду. Общей целью науки и искусства является «правильное» познание мира («видим правильно мы только двумя глазами»): из соединения двух инструментов открывается скрытая от нас глубина общей «обычной» нашей жизни. Писатель размышляет о внутреннем родстве искусства и науки в постижении единства личности и природы: «Поэзия и есть мост между нашим первым человеческим миром и тем вторым миром природы. Наука, напротив, считает первым миром этот мир природы, а человеческий мир — вторым, происходящим из первого: там миллионы лет борются бесчувственно и бессмысленно для того, чтобы образовался мир человеческого сознания. Так искусство и наука — будто двери из мира природы в мир человеческий: через дверь науки природа входит в мир человека, и через дверь искусства человек уходит в природу, и тут себя сам узнает и называет природу своей матерью» [11, с. 363]. В дневниковых заметках о своем творчестве М. Пришвин признавался, что в «моем слове больше поведения, чем искусства в собственном смысле», и что передавая жизнь природы в ее мельчайших деталях, он говорит о человеке: «узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества». «Сердечная мысль» писателя-поэта была направлена на возвышение человека, на раскрытие заложенных в нем созидательных возможностей, на радостное восприятие жизни.

М. Пришвин, по его словам, обнаружил в себе способность мгновенного схватывания «без счета и без меры» мира как целого. Так он испытывал состояние радости соприкосновения со всем живым, которое он называл узнаванием самого себя и условием соединения в себе всего, что есть в природе. Расстановка этого найденного «по верным местам» становится процессом творчества «нечто нового» в жизни. «Чувство природы есть чувство жизни личной, отражаемое в природе: природа это я. Труднее всего говорить о себе, оттого так и трудно говорить о природе. Только тогда можно сказать о природе, если найдешь и поймешь себя самого, как нечто небывалое... Так все образы природы не есть сама природа, а только средства обмена людей между собой. И значит, если я о природе пишу, то пишу я о самом человеке в его сокровеннейших переживаниях» [12, с. 43—44]. «Реализм, которым я занимаюсь, есть видение души человека в образах природы» [12, с. 44]. М. Пришвин определял свою способность «все постигать, минуя учение» талантом, присущим каждой частице материи, так как в природе «все есть живое» и несет в себе личностное начало. «Природа есть родина всех талантов, начиная от росинки солнца, сверкнувшая всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры» [12, с. 53].

Человек принадлежит природе, но не всем своим существом: он выходит за пределы природы той частью, в которой он предстает мыслящим, думающим, воображающим живыми существом. «Человек собственно начинается там, где в природе останавливается жизнь роста: тут начинается рост духовный, чисто человеческий, и продолжает у достойных расти до последней минуты. И в духе этого человека растут люди после него» [12, с. 52]. Духовное восхождение личности писатель называл творческим поведением, предполагающим осознанное усилие в поисках своего пути и своего места

в общем человеческом деле, где личность в ее единственности и неповторимости необходима людям «в движениях к небесам вверх и вширь по земле», в их пути в новый и «небывалый» мир братства и согласия. Мысль М. Пришвина о сущности творчества как способности соприкасаться «с чувством не своего человеческого, а планетарного времени» вызревала, видимо, под влиянием усвоенного им учения В. И. Вернадского о биосфере и созвучно ноосферному идеалу ученого-натуралиста (М. Пришвин, скорее всего, не был знаком с последними работами ученого, в которых вводится понятие ноосферы).

М. Пришвин всю свою сознательную жизнь отстаивал самоценность человеческой личности, видя в ней «двигатель нашей общей души» в обретении нашего «Я» как «мы». Каждый человек в чем-то неповторим, и своей индивидуальностью, не осознавая этого, преодолевает собственный индивидуализм, если он «радостно и уверенно» включается в творчество жизни. Писатель называл выход человека за границы эгоизма «расширением души», понимая под этим процесс созидания самого себя. Объединяющим смыслом самосозидания личности должна быть любовь, вырастающая из «родственного внимания» к другим людям, к природе, к общему земному уделу и солидарному делу. «Как материя и энергия сводится в конце концов к единому источнику — жизни, так и все виды талантов сводятся к единому источнику творческого внимания. Когда ум и доброта соединяются в душе в единство внимания к чему-либо, то это любовь, и весь вопрос у доброго и умного человека сводится в тому — кого же ему любить» [12, с. 33]. «Начало любви — во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва» [12, с. 90].

М. Пришвин умел представлять чужую жизнь как свою, он остерегал себя от неподлинных чувств и мыслей, подвергал строгому анализу свое творческое поведение, критически истолковывал себя сам. Писатель подчеркивал свою сопричастность к коллективному творчеству, уходящему в будущее и понимал свое «я» не в бытовом, а в «производственном» значении, то есть как органическую часть великого мирового «я», которое включает в себя русский народ. Художник призван своим словом сближать людей, пробуждать в них чувство душевного родства, но для этого ему самому нужно быть свободным, сильным, здоровым душой, чтобы «дружба» с человеком естественно выражалась в его творческом поведении: «пишу — значит люблю». Источник творческого вдохновения находится в синтезе ума и доброты, из чего и рождается «любовь различающая» как любовь — внимание ко всему сущему, без которой нельзя сделать жизнь радостью. «Добро, любовь, красота не составляют в душе человека особой области, а венчают путь каждого из нас, если мы шли правильно» [12, с. 121]. Если делать правильно, творить добро, поступать по любви, то красота выходит сама собой и будет живой красотой. Красота не любит тех, кто «за ней гоняется»: мы не можем породить красоту, а можем только готовить почву для нее, тогда как добро творится руками человека. «Родственное внимание открывает для художника возможность бесконечно расширять собственное мировосприятие и наделять все вещи свойствами личности («лицо является сосудом смысла всякой отдельной твари»), чтобы «лес, и елка, и сосна стали бы живыми». М. Пришвин выделял способность человека, «разглядывая животное и растение родственным вниманием, вспомнить и узнать свое прошлое в них: вот все преимущество на земле человека...» [14, с. 536]. На человеке, как высшем тварном существе, лежит деятельная ответственность за сбережение и мудрое

переустройство природы путем согласования своего сознания с творчеством бытия в едином брачно-сотворческом союзе. Искусство признано творить небывалое, и художник должен утверждать находящуюся вне себя самого «прекрасную реальность».

Магия искусства проявляется в ощущении присутствия чудесной реальности в обыденности, в отражении мимолетного в вечности, всего во всем. Писатель воспринимал мир через призму сказки, наполняющей его ум и сердце с раннего детства: «Жизнь человека не пуста, если по сердцам прошла сказка» [16, с. 614]. Сказочное мироощущение он сохранил на всю долгую жизнь и оно питало его творчество. Сказка для него органично связана с не-исчезающей тайной жизни и постоянным открытием нового в природном мире, изначальная суть которого воспринимается им в образе рая или неповрежденного мироздания. Писатель-«лесовик» неустанно искал образы рая и в лесу и в человеческой жизни, поддерживал в самом себе чувство рая и считал его данным человеку «дорожденчески», относя это чувство к высшей «не-оскорбляемой части человеческого существа», связанной с подлинным творческим состоянием.

Творческий человек сохраняет в своей душе ребенка с его поэзией и непосредственной философией, но у большинства взрослых людей «детскость» утрачивается и притупляется. С детством связано чувство удивления перед миром, которое все больше уходит из душ современных людей, делает их душевно бедными и ограниченными в восприятии окружающей жизни, в ее стихийной непосредственности. Человечеству, считал М. Пришвин, для его же блага, необходимо вернуть удивление и сказку: «Сказка питается детством, и детство здоровьем, и здоровье дается землею и солнцем. Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление, и с удивлением вернется и сказка» [12, с. 107]. Не впадать в детство, а хранить во взрослой душе «своего младенца» и никогда не забывать о нем, чтобы не спугнуть сказку с ее большими и маленькими чудесами. Благодаря детскому дару удивления в зрелой личности развивается тонкость духовных чувств, сближающих человеческую жизнь с природой, как органическим целым миром. Без «младенца в душе» не возникает «родственное внимание» к миру и чувство материально-телесно слияния с ним: «мир является как тело мое, и все мое тело, как дом восходящего солнца». По воспоминаниям современников, Михаил Михайлович производил впечатление большого ребенка. Для него сказка является жизнью образа-символа, силой которого она соединяет людей в общем чувстве жизни. Сказка-быль для взрослых в творчестве М. Пришвина выступает особенной авторской художественной формой, где главную познавательную функцию несет символ, раскрывающий сложное единство жизни в ее видимых и невидимых смыслах, и сама жизнь в целом представляется многозначным символом.

Условием «родственного внимания» к живому является «замирание в себе», которое и вызывает в душе писателя глубинное чувство близости и понятности жизни его внутреннему строю, «когда через такое раздумье станешь понимать себя самого, как дерево, а вокруг все будто люди. И знаешь тогда твердо, что все это: деревья, мох, грибы как люди. Это сказка, но почему же тогда, если выглянешь из себя, то показывается такое, чего никак не заметишь, когда себя считаешь человеком, а лес просто дровами?» [12, с. 46]. Мифопоэтическое чувствование природы возвращает «просветленную» душу писателя к состоянию «наивного реализма», в котором описывая события он

«не помнит себя». М. Пришвин такое непосредственное сознание органической целостности и единства жизни называл методом «бездумности», или, другими словами, способом бессознательно-поэтического «описательства» увиденного «малого» фрагмента «большой» Природы, существующего для целого и отражающего в себе целое. Интуитивно схваченное природное событие «всегда имеют косвенное отношение к другому человеку».

В своем методе писатель видел пути возвращение к утраченным идеалам «живого знания», как синтезу рационализма и интуитивизма в познании действительности. «Без этого живого чувства органического целого, чувства всей жизни по себе самому я ничего не могу писать» [15, с. 298]. Художественная интуиция М. Пришвина рождала в нем «предчувствия мысли» — мгновения понимания границ предела прозрения истины, когда ум схватывает внезапно нечто недостижимое, смысл чего познающий человек давно хочет уловить и удержать его в форме слова. Чувство родства со всем миром зависит от способности «забываться», созерцая окружающее, вводить его в самого себя и самому входить в него. «Родственное внимание» или любовное внимание к миру, считал писатель, должно стать этическим принципом личности художника и определять его «поведение» как творца жизни человеческой: «И только потому, что мы в родстве со всем миром, восстанавливаем мы силой родственного внимания общую связь и открываем свое же личное в людях другого образа жизни, даже в животных, даже в растениях, даже в вещах» [13, с. 264].

Искусство призвано нравственно облагораживать «науку-кормилицу», учить человека мечтать и верить в достижение «небывалого», но при этом искусство не должно разрешать человеку забывать о земле, о реальной жизни, отрывать сказку от действительности. Наука и искусство нуждаются в объединении и взаимодополнении: «наука кормит людей, а поэзия сватает», — так М. Пришвин определял служебную общественную роль двух форм человеческого творчества.

Проблема синтеза научного и художественного познания природы, о котором размышляет писатель на языке метафор, получило осмысление и конкретное воплощение с естественнонаучной точки зрения в творчестве В. И. Вернадского. Чувство «ритмики мирового дыхания», присущее М. Пришвину как «догадка», укрепляется в нем после знакомства с книгой «Биосфера». В. Вернадскому и М. Пришвину в одинаковой мере были близки воззрения на природу немецкого поэта-натуралиста В. Гёте, в творчестве которого проявился целостный научно-художественный подход к познанию природных явлений в их развитии и всеобщей взаимосвязи. В. Вернадский подчеркивал уникальность личности Гёте и ставил его в один ряд с Платоном и Леонардо да Винчи: «Для Гёте чувство и понимание природы в их художественном выражении и в их научном искании были одинаково делом жизни, были неразделимы. Для них всех — для Гёте очень ярко — область художественного творчества не отделялась от творчества научного. Научный и художественный охваты были у них совместны и одновременны» [3, с. 225].

Эстетический подход М. Пришвина к целостному восприятию «вечного биения жизни», определяющий отношение к природе как «матери нашей», во многом совпадает с воззрениями Гёте, с творчеством которого писатель был хорошо знаком. Гётевское миропонимание и методология исследования природы (сближение субъекта с объектом, явления с сущностью, чувств и ума) присущи и художественному методу русского писателя-поэта. Особенности

гносеологической позиции Гёте точно проясняет М. Бахтин: «Сущность для него не скрывается, не прячется за явлением, а именно является в нем самолично. Надо только уметь ее увидеть... Отсюда и глубокое доверие его к мыслящему глазу и видящей мысли и недоверие к окольным путям абстрактного мышления... Вместо противопоставления явления и сущности Гёте пользуется сопоставлением части и целого, или «одного» и «всего»... Познающий для Гёте не противостоит познаваемому как чистый субъект объекту, а находится в нем, то есть является соприродной частью познаваемого... Познающий как микрокосм, содержит в себе самом все, что он познает в природе... Во всем этом много философской наивности, но много глубины и предвосхищений... Созерцание — это не пассивное отражение предмета, но активное соучастное созерцание, поэтому художник может стать творцом, продолжающим дело природы» [1, с. 416—417]. В этом комментарии М. Бахтина просматривается большое сходство в понимании онтологической связи обоих художников слова с окружающим миром.

«Тайная современность» художественного мировоззрения писателя-мыслителя позволяет говорить о «наступлении времени Пришвина» (В. Кожин), — об актуальной значимости его размышлений о «природочеловекосотворчестве» для спасения человечества от надвигающейся экологической катастрофы, истоком которой является человеческая деятельность, не согласованная с законами биосферы. Мысли писателя о необходимости единства трех творческих процессов — стихийного творчества в самой природе, преобразовательной деятельности общества в природе и творчество человеком самого себя — соответствуют коэволюционной стратегии развития мировой цивилизации и созвучны идее В. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Мировидение М. Пришвина выражает в его глубинных корневых истоках основные черты ноосферного гуманизма, исходным принципом которого является признание природы высшей для человечества ценностью: «Природа, понимаемая как Абсолют, утверждающая свой потенциал для раскрытия человеческой сущности в формах вселенской эволюции — вот, очевидно, главный смысл «природного гуманизма» человека: возможность гармонического соразвития: очеловечивания природы и оприроднивания человека. Смысл натуралистического принципа ноосферного гуманизма в преодолении техноблуждения, то есть построение мира по принципу расточительности, примитивного (простого) устройства общественного функционирования» [22, с. 402].

М. Пришвин диалектически соединяет противоречивые стороны творчества человека в природе — природоборчество и природосбережение: «В природе нет милости к человеку: нечего ждать от нее милости. Человек должен бороться с ней и быть милостивым, и охранять природу, раз он является ее царем — победителем» [12, с. 50]. Писатель верил в будущее содружество человека с природой, когда стихийное творчество природы («кладовой солнца») мягко сблизится с разумной творческой силой человека по организации природной материи путем внесения в нее «воли и разума», что В. Вернадский назвал переходом биосферы в ноосферу. Человеческая цивилизация должна вписаться в вечный строй земных (биосферных) ритмов, в ход «часов самой планеты», тогда «следы человека в природе» будут почти незаметными, не нарушающими подвижное равновесие жизни и смерти в большой Природе и станут похожими на следы «босых ног между деревьями в лесу». Единый мировой «брачно-творческий» союз человека с природой

станет возможным в будущем, когда сформируются и «вырастут образованные и деятельные» люди с универсальными способностями и потребностями, для которых мерой отношения к живым существам и друг к другу станут высшие нравственные и эстетические ценности — добро, красота, справедливость, любовь. Идеал «хорошей настоящей» жизни М. Пришвин видел в единстве материального благополучия («хлеба»), связанного с накоплением научных знаний и деятельной мечтой о «непостижимом», поддерживаемой силой искусства и преобразующей человеческую личность.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 546 с.
3. Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1981. С. 242—289.
4. Визгин В. П. Михаил Пришвин и Габриэль Марсель // Человек. 2014. № 1. С. 137—142.
5. Курбатов В. Я. Михаил Пришвин: очерк творчества. М.: Советский писатель, 1986. 224 с.
6. Михаил Пришвин и русская культура XX века: сб. ст. по материала Пришвинских чтений. Тюмень: Вектор Бук, 1998. 189 с.
7. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин и Николай Лосский // Человек. 2011. № 5. С. 143—156.
8. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. Белгород; Елец: БелГУ; ЕГУ им. И. А. Бунина 2009. 348 с.
9. Подоксенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец-Кострома: ЕГУ им. И. А. Бунина; КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. 334 с.
10. Пришвин и современность / сост. П. С. Выходцев. М.: Современник, 1978. 334 с.
11. Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин М. М. Кладовая солнца. Глаза земли. Корабельная чаща. Л.: Лениздат, 1978.
12. Пришвин М. М. Дорога к другу: дневники. Л.: Детская литература, 1978. 190 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. М.: Русская книга, 1999. 416 с.
14. Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. М.: Русская книга, 2003. 544 с.
15. Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
16. Пришвин М. М. Дневники. 1936—1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
17. Пришвина В. Д. Искусство видеть мир. (От науки к искусству) // Пришвин и современность. М., 1978.
18. Пришвина В. Д. Круг жизни: очерки о М. М. Пришвине. М.: Художественная литература, 1981. 239 с.
19. Пришвина В. Д. Путь к слову. М.: Молодая гвардия, 1984. 262 с.
20. Семенова С. Г. «Сердечная мысль» Михаила Пришвина // Семенова С. Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Советский писатель, 1989. С. 378—394.
21. Семенова С. Г. «Жизнь, пробивающая себе путь к вечности...» Михаил Пришвин — мыслитель // Человек. 2000. № 6. С. 134—147.
22. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.